О.Д. Минаева, кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: iprosmi@yandex.ru

ПРИЕМЫ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРОПАГАНДЫ ДЛЯ ЖЕНЩИН В ГОДЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ (по материалам журнала «Работница»)

В статье рассматриваются специфические задачи и приемы производственной пропаганды для женской аудитории в годы индустриализации. Анализируется содержание центрального советского журнала «Работница» в 1930-е гг.

Ключевые слова: *история советской журналистики, журнал «Работница» в 1930-е гг., производственная пропаганда.*

This article examines the specific tasks and methods of industrial propaganda aimed at a female audience. The article also analyzes the central soviet magazine Rabotnitsa in the 1930s.

Key words: *The history of the soviet media, the soviet magazine Rabotnitsa in the 1930s, the industrial propaganda.*

Введение

Пафос строительства нового общества, новый герой — человек труда — все это части картины, которую рисовали советские СМИ в годы первых пятилеток. Производственная пропаганда в советской печати для женщин в 1920-е гг. в какой-то степени была подготовкой к индустриализации, когда лозунги женских журналов были в значительной степени реализованы. Причем нужно отметить преемственность в работе центральных партийных журналов для женщин на протяжении всего довоенного периода: в годы первых пятилеток они развивали те же пропагандистские установки и представления, которые формировались журналистикой в 1920-е гг.

В годы индустриализации женщины стали серьезным ресурсом рабочей силы. В СССР в 1925 г. среди рабочих промышленных предприятий женщин было 29%[1]. С 1923 по 1929 г. число женщин, занятых в промышленности, выросло с 417 000 до 804 000 [Алферова, 2011, с. 243], затем в годы индустриализации скачкообразно, резко увеличилось: 3 590 500 — в 1930 г., 4 197 000 — в 1931, 6 007 000 — в 1932, 6 908 000 — в 1933 г. [Голдман, 2010, с. 113]. К 1935 г. женщины составляли 42% всех промышленных рабочих [там же, 2010, с. 7].

Процесс массового вовлечения женщин в трудовую деятельность в годы первых пятилеток имел огромное значение для реализации равноправия женщин. Политика государства, потребности индустриализации привели к тому, что изменился гендерный состав рабочего класса, разрушились «старые схемы гендерной сегрегации» [там же, 2010, с. 92] — женщины пришли в те отрасли, которые традиционно считались мужскими.

В предвоенный период производственная деятельность женщин занимала первое место по количеству публикаций и их важности в центральных партийных журналах для женщин — «Работнице» и «Крестьянке». Задачей этих журналов было привлечь массы женщин к трудовой деятельности, удержать их на производстве и способствовать изменению их уклада жизни, привычного жизненного сценария.

«Полюбила шестеренки у токарного станка»[2]: приемы пропаганды индустриального труда

Наряду с формированием общих представлений о престижности и нужности для государства индустриального труда, об особой сознательности и высоком социальном статусе пролетариата (и женщины-пролетарки), о том, что труд — это творчество и самореализация, женские журналы постоянно подчеркивали, что труд дает женщине возможность навсегда уйти от зависимости и униженности.

Не стоит забывать, что аудитория центральных женских журналов была малограмотной (или алфавитно грамотной, т.е. недавно научившейся читать). В публикациях о стройках пятилеток журналисты активно использовали технические термины, называли разнообразные профессии, описывали технологические процессы. Наверняка малограмотная аудитория не понимала, о чем идет речь. Однако общее представление о том, что индустриальный труд престижнее и важнее для страны, чем любой другой, наверняка было усвоено частью аудитории.

Одним из приемов производственной пропаганды для женщин была поэтизация индустриального труда. В «Работнице» и «Крестьянке» традиционно публиковалось много стихотворений. В образной, запоминающейся форме повторялись наиболее важные положения, отраженные в статьях и заметках, в лозунгах и призывах.

Заводы, шахты, станки и другие механизмы, производственный процесс и эмоции, которые должны были испытывать работницы,

[1] Труд в СССР. Статистический справочник за 1924—1925 гг. М. Изд-во РИО ВЦСПС, 1926. С. 18—19.

[2] См.: *Дорофеев С.* Подруга у станка // Работница. 1931. № 4. С. 14.

связывались в стихотворениях в единый, яркий образ. В процитированной выше строке из стихотворения Сергея Дорофеева «Подруга у станка»[3] труд в советскую эпоху противопоставляется труду в «былые годы». Тогда «был тяжел твой женский путь», но теперь работница «добилась свободы, перестала спину гнуть». Тогда труд был тяжелый, беспросветный, вынужденный. А теперь поэт описывает «кудри стружки», «чугуна литого кромки», «резвый бег маховика», «станки поют частушки» — все это вызывает такой восторг у работницы, что все ее движения «бодрой радостью горят».

Типичным представляется стихотворение Е. Филипповой «Лебедчица»[4]. В стихотворении употребляются новые, наверняка незнакомые аудитории журнала слова: лебедка, электропроводка, мотор, вагонетка. И обязанности «лебедчицы», и детали производственного процесса тоже вряд ли понятны широкой аудитории. В публикациях на производственные темы вообще много незнакомых слов и терминов, но они придают убедительности словам журналистов.

Как в производственной тематике автор находит положительные эмоции? В шахте ждет героиню «*любимая* (курсив авт. — *О.М.*) лебедка, вытянув, как руки, рычаги». Работница так любит свою лебедку, что даже «лампочки лучисто» разделяют ее радость в начале трудового дня. Она любовно ухаживает за своей лебедкой: чистит и смазывает ее. Когда начинает работать мотор, мысли работницы «электропроводкой побегут стремительно в забой».

Вот пример того, как описано представление работницы о ее вкладе в общий труд:

> Я лишь только часовой уклона
> Но когда несутся поезда,
> Мне слышней, как воля миллионов
> Высит рост ударников труда[5].

Образ труда создается путем активного использования военной лексики: «часовой уклона», «крепости мы приступом берем», «вагонетки двинутся и маршем зазвучат». Несколько раз поэт упоминает о том, что пятилетка «двигается» не только трудом, но и волей: «воля ударной пятилетки», «воля миллионов». Эмоционально и образно до народа доносится мысль, что труд и воля миллионов «часовых уклона» — рядовых работниц — слагаются в единый процесс, работают на достижение общей цели. Труд описан как процесс, доставляющий радость, вызывающий душевный подъем. Такой труд должен быть целью и смыслом жизни женщины. Для

[3] *Дорофеев С.* Подруга у станка // Работница. 1931. № 4. С. 14.
[4] См.: *Филиппова Е.* Лебедчица // Работница. 1933. № 13. С. 4.
[5] Там же.

женской аудитории постоянно повторяются журналистами и закрепляются эмоциональные составляющие такого труда (он вызывает радость, счастье, любовь).

Типичные элементы индустриального очерка и рассказа

Наряду с созданием привлекательного и престижного образа индустриального труда у журналистов женских журналов была также задача показать новый жизненный сценарий, успешный и приводящий к счастью. Для решения этой задачи формируется образ героини-ударницы (или стахановки), на примере которой демонстрируется реализация всех пропагандистских установок женских журналов.

Наиболее важными с точки зрения формирования образов ударниц и стахановок были такие жанры, как очерк и рассказ. Оба этих жанра позволяют донести до аудитории не просто иллюстрации к актуальным лозунгам, а развернуть убедительный жизненный сценарий, сложный, включающий много аспектов. Часто рассказы печатались в нескольких номерах с продолжением. Из каких типичных элементов, как правило, состоял индустриальный рассказ или очерк в женском журнале?

1. Описание природы, отражающее настроение героини

Нужно отметить, что 1930-е гг. — время, когда телевидения еще не было, поэтому журналисты часто включали в рассказы и очерки описания природы, которые привлекали бы внимание читательниц и отражали настроение героини. «Вечереет. Тускло блестят железнодорожные пути... Выпал первый снег. Он идет голубым потоком, оседая на ветвях берез и елей, стоящих около пути»[6] — вот типичное включение описание природы в производственный очерк. Эта зарисовка предваряет воспоминания героини о тяжелой жизни в годы Гражданской войны. Описания природы не несут никакой смысловой нагрузки, это, скорее, эмоциональный камертон. Вот, например, как описаны цеха ткацкой фабрики: «последние ряды станков теряются в туманной дали ткацкого зала, наполненного золотистой пылью хлопкового волокна. Солнечные лучи, по-осеннему яркие и по-весеннему горячие, рвутся в щели между занавесок»[7], «рассвет нехотя начинает белить небо... теплый ветерок порхает в проходах, и кажется, что солнечное тепло исходит

[6] *Твердов Е.* Стрелочница-орденоносец // Работница. 1935. № 29—30. С. 30—31.
[7] *Быкова К.* Мировой рекорд ткачихи Виноградовой // Работница. 1935. № 29—30. С. 12.

вот от этой нежно-золотистой ткани...»[8]. Речь идет о вредном ткацком производстве, но героиня, готовясь к рекордной смене, должна именно так воспринимать цех.

2. Привлекательная внешность работниц-ударниц

Описание внешности героини может играть различные роли: можно противопоставить ее женственность тяжелому и сложному оборудованию, на котором она работает, или подчеркнуть, что героиня не уступит по силе мужчине.

Ударница Настя, машинист паровоза, описана так: «серьезный, вдумчивый взгляд», «огонь с перцем» характер, «с веселой твердостью говорит», «крепкий подбородок, полногубый рот и широко расставленные глаза, пушистые от длинных ресниц», «улыбается лукавыми углами губ»[9]. Это типичный подход — героиня должна быть женственна, привлекательна, но демонстрировать волевой и твердый характер. Ее женственность и хрупкость противопоставляются мощи и силе паровоза.

В очерке о Жене Прохоровой, которая стала пилотом[10], журналистка несколько раз подчеркивает женственность, красоту героини: веселая, сероглазая, жизнерадостная, открытое лицо, светлые волнистые волосы из-под летного комбинезона. Ее рассказ о жизни «такой же красивый и хороший, как и она сама».

Вот другой пример описания внешности героини. Проходчица московского метро Дуся Ермакова так представлена в очерке: «Со всем жаром юности, со всей энергией своего молодого, здорового организма полюбила Дуся новое дело. Высокая, сильная, немного грубоватая от избытка сил, она сияет светлыми голубыми глазами, сияет улыбкой»[11]. Здоровье, энергия и физическая мощь нужны для профессии проходчицы, поэтому описана девушка «немного грубоватая» — налицо соответствие профессии и внешности. Подобный прием встречается и в заметке о работе грузчиц: среднего роста женщины с широкими плечами «идут ритмичным шагом гуськом, ловко принимают груз, перегружают зерно и другие товары»[12], «звонкие голоса, ловкие движения, отличные показатели»[13].

В очерке[14] о девушках-сплавщицах, которые гонят плоты по Северной Двине, описание их внешности призвано показать, что они не уступают мужчинам в ловкости и силе. Бригадир сплавщиц Лидия

[8] *Крянникова З.* Смело пойдем дальше! // Работница. 1936. № 3. С. 8—9.
[9] *Луковский И.* Воля Насти Ополчиной // Работница. 1932. № 28. С. 14.
[10] См.: *Марина М.* Любимое дело // Работница. 1938. № 23. С. 6—7.
[11] *Щелканова М.* Рассказ о первой любви // Работница. 1933. № 28. С. 8.
[12] См.: *Леонтьева Т.* Грузчицы // Работница. 1938. № 23. С. 12.
[13] См.: *Степная Д.* Волжские грузчицы // Работница. 1939. № 25. С. 12.
[14] См.: *Александров П.* На реке // Работница. 1941. № 13. С. 8—9.

Кудрина кричит «грубоватым, грудным голосом», «ловко управляет рычагами или баграми. Девушки в пестрых сарафанах, в майках, в разноцветных платках, с загорелыми лицами не чувствуют усталости от тяжелой работы»[15]. В этом номере «Работницы» на обложке красивая молодая женщина рядом с мужчиной толкает багром плот из бревен, но фигура женщины по размеру больше мужской, так как помещена на первом плане и визуально она не просто равна мужчине, а превосходит его по силе и физической мощи.

3. «Очеловечивание» техники и производственного процесса

Одна из задач журналистов — создать представление о престижности и привлекательности труда, связанного с овладением сложной техникой. Эта задача решается с помощью приема «очеловечивания» техники, создания образов сказочных существ или зверей из механизмов и станков.

Вот как журналист рассказывает о паровозах[16] в очерке о девушке-машинисте: «с клокотом пара в мощной груди пронесся большой сормовский паровоз», «со звериной мощью, глотая километры вьюжной ночи», «тяжело и коротко дыша, прополз маневровый паровоз», «сосредоточенно отстукивая свой торопливый ритм, подталкивая друг друга локтями буферов, побежали цистерны»[17], «снег порошил огромный глаз паровоза» и т.д. Живыми существами рисуются не только паровозы, но и силы природы: «мрак бросается на паровоз и схватывает его», «ветер плашмя бьет по лицу»[18]. «Блистая начищенными боками, медленно истекая маслом из поршней, величественный в своей напряженной неподвижности стоял “Силач”»[19] — так назван паровоз, который героиня начинает «поить» — так возникают ассоциации техники с живым существом: то грозным, то добрым, но обладающим силой, не сравнимой с человеческой.

Этот прием (описание техники как живого существа) нам демонстрирует и пример из журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент»: «пасть тисков, сжимая зубы, хапнула железо»[20].

В журнале «Рабоче-крестьянский корреспондент» публиковались советы журналистам и удачные материалы на производственную тему. В них присутствуют примеры того, как можно, описывая индустриальный труд, «оживить» машины и механизмы. Например,

[15] Там же. С. 9.
[16] См.: *Луковский И.* Воля Насти Ополчиной // Работница. 1932. № 28. С. 14—15.
[17] Там же. С. 14.
[18] См.: *Луковский И.* Воля Насти Ополчиной // Работница. 1932. № 29. С. 14.
[19] *Луковский И.* Воля Насти Ополчиной // Работница. 1932. № 28. С. 15.
[20] См.: *Косинский В.* За тисками // Рабоче-крестьянский корреспондент. 1925. № 4. С. 62.

песни поют и станки, и гудок, и дизель: «иной удачливый день до самого обеда звенит фабрика в песне», «с утра, как гудок продерет глотку, ухая, запевает старый дизель. Песню подхватывают ремни, зальются шестеренки, потом железным клекотом забормочут станки... После обеда гудок поет сытым голосом, дизель запевает нехотя, только ремни стремглавые песенную удаль льют — станкам весенними тетеревами токовать велят»[21]. Можно только подивиться разнообразию образов, которые навевал журналистам индустриальный труд. Журналисты «Работницы» демонстрируют нам точное выполнение и творческое развитие указаний агитационно-пропагандистского отдела ЦК партии, высказанные в журнале «Рабоче-крестьянский корреспондент».

4. «Любимый» завод, цех, станок: противопоставление индустриального труда домашнему

Часто в публикациях об индустриальном труде повторяется слово «любовь»: «любимая» лебедка, «полюбила шестеренки», «любимый завод» и т.д. Можно найти много подобных примеров, они должны создавать у аудитории представление о том, что именно такой труд — коллективный, индустриальный, с овладением сложной техникой — можно и нужно любить. Вот как внушалась любовь к заводу: «вся семья (муж и сын) живет жизнью завода, одними радостями и горестями», «завод для нас — это самое дорогое, самое любимое, ...мне завод дороже дома»[22]. Тема «любви» к заводу, цеху, станку обязательно присутствовала в журналах для женщин — это *главная* любовь в их жизни.

Строгальщица К. Козодой рассказывает, почему она любит свой завод: «На заводе моя жизнь получила новый смысл, я стала передовой работницей и членом партии. За годы своей работы я десять раз премирована. Завод заботится обо мне: меня три раза посылали на курорты. Мне хорошо на заводе...»[23]. Однако дальше следует поразительная фраза: «*свой станок я люблю,* как только *мать* может любить *свое дитя*...». Так к рациональным доводам (ударная работа дает высокий заработок, премии, отдых на курорте, улучшение бытовых условий и т.д.) добавляется представление о том, что труд на заводе может быть важнее семьи и детей. С учетом того, как в «Работнице» подавалась тема семьи и материнства в 1920-е гг. (дети «связывают», семья — это «кабала», «тюрьма» и «обуза»), неудивительно, что чувство любви работница должна перенести на свои завод и станок.

[21] *Алтайский К.* Шуруп // Рабоче-крестьянский корреспондент. 1925. № 4. С. 63.

[22] *Якуб-Китаевич Э.* Ударно работаем, культурно живем // Работница. 1934. № 3. С. 8—9.

[23] Там же. С. 12.

Индустриальный труд противопоставляется домашнему женскому труду, который рисовался на страницах журнала «Работница» как «кабала»[24], «ярмо»[25] и т.д. Семья рисуется «каторгой», «рабством»[26] и «застенком», в котором женщины «отупели». Неудивительно, что в результате таких целенаправленных усилий журналистов читательница, выбирая между семьей и заводом, заявляет, что бросит «примус, кастрюли и корыто»:

Раньше бабы только знали
Варку щей да каши
А теперь идут в заводы, —
На заводе краше[27].

5. Любовь и личное счастье как награда за ударный труд

Интересным решением производственной темы для женского журнала можно считать объединение темы индустриального труда с темой поиска личного счастья, любви. Ударница находит свою любовь на производстве — подобные сюжеты в публикациях того времени не редкость.

Вот пример, как в индустриальном рассказе героиня находит настоящую любовь. Настя Ополчина[28], не останавливая паровоз, на полном ходу ремонтирует фонарь, рискуя жизнью ради того, чтобы привезти цемент на строительство вовремя. Ее подручный Данила покорен и влюблен.

Какие актуальные представления транслирует журналист в этом рассказе? Во-первых, девушка должна доказать свое право работать наравне с мужчиной тем, что работает лучше, — это распространенное представление того периода. Во-вторых, героиня не просто работает — задача привезти цемент на строительство рассматривается как боевая. Поэтому чинить фонарь приходится на полном ходу, с риском упасть под колеса паровоза — именно так, как в бою, совершается трудовой подвиг. В-третьих, награда за этот подвиг — любовь. Так разворачивается новый жизненный сценарий советской женщины.

6. Наличие гендерных конфликтов в производственной сфере, борьба за право работать

О конфликтах, вызванных приходом женщин на производство, женская печать писала редко. Однако если в 1920-е гг. сам факт

[24] См.: *Ильина М.* Старый быт надо бить! // Работница. 1930. № 4. С. 12.

[25] См.: *Анчарова М.* В поход за день отдыха // Работница. 1930. № 7. С. 9.

[26] См.: *Ильина А.* К домашней хозяйке // Работница. 1925. № 6. С. 18.

[27] Помощь «Работницы» ударницам в литературе // Работница. 1932. № 13. С. 11.

[28] См.: *Луковский И.* Воля Насти Ополчиной // Работница. 1932. № 28. С. 14—15; № 29. С. 14.

появления женщин в цехах вызывал отрицательную реакцию мужчин, то в 1930-х гг. конфликты вызваны ситуациями, когда мужчинам приходиться подчиняться женщине.

Настя, машинист поезда, возит цемент на строительство Магнитогорского комбината[29]. Интрига рассказа в том, что Насте дают в помощники Данилу, но он не хочет работать «у бабы». Мастер посмеивается: «Она тебя живо первым ударником сделает», но Данила не хочет, чтобы его таким образом «затянули в ударничество». О своем напарнике Настя думает так: «Парень хорош, да только, видать, много в нем еще старинки! Заело, что будет у меня помощничать!» — так обозначен гендерный конфликт. Многие «косились и сплетничали», когда она стала машинистом. Девушке пришлось доказывать, что она достойна водить поезда — борьба должна была обязательно присутствовать в производственной жизни советской женщины. В результате Данила покорен: Настя трудолюбива, профессиональна и смела, своим трудом и мужеством завоевала право быть его начальником.

Еще похожий пример: на металлургическом заводе в г. Электросталь кузнеца призвали в армию[30] и остановилась работа компрессорного молота. Комсомолка Паня Гусева с трудом добилась права заменить кузнеца. Она выполнила норму на 120%, стойко преодолела все трудности. Одному из комсомольцев предложили пойти к ней подручным, поучиться, но он заявил:

«— Не пойду срамиться: баба кузнец, а я подручный, засмеют меня»[31]. В этом очерке в предвоенном 1940 году было важно показать, что женщины вполне могут заменить мужчин на производстве.

7. Овладение мужскими профессиями означает реализацию равноправия

Производственная гендерная конкуренция была подана журналистами и понята женщинами как необходимость овладеть всеми «мужскими» профессиями, в том числе и такими, которые очевидно вредны и тяжелы для женщин.

Типичным представляется «Рассказ о первой любви»[32], опубликованный в 1933 г. Это очерк о Дусе Ермаковой, работающей на строительстве московского метро проходчицей. Автор называет ее «редкой девушкой», первой спустившейся в шахту. Дуся добилась, чтобы ей разрешили работать в шахте: сначала откатчицей (толкать вагонетки с землей), потом проходчицей (работа шахтера).

[29] Там же.
[30] См.: *Солнцева Д.* На заводе «Электросталь» // Работница. 1940. № 6. С. 10—12.
[31] Там же. С.12.
[32] См.: *Щелканова М.* Рассказ о первой любви // Работница. 1933. № 28. С. 8—9.

Обе профессии требуют физической силы и вряд ли подходят девушке. У Дуси хорошие отношения с бригадой: «Ребята меня крепко любят. Они видят, что я не уступаю им в работе и забочусь о них. Работаю я весело»[33].

Неженские профессии вообще и в период индустриализации особенно не рассматриваются с точки зрения вреда для здоровья — большинство из них вредные. Наоборот, журналисты подчеркивают, что женщины овладели именно мужскими профессиями. Вот, например, как работают грузчицы в городе Горький: заработок 600—800 рублей — на зависть любому мужчине, выполняют «стахановские нормы» (грузчица подает в вагон 26 килограммов соли в минуту, а 30 женщин за 2 часа выгрузили 170 тонн[34]).

В многочисленных публикациях «Работницы» к наиболее почетным женским профессиям относились те, которые связаны с освоением техники: водители машин, машинисты паровозов, ткачихи и другие работницы, освоившие сложные станки и оборудование. В 1930-х бросается в глаза обилие публикаций о традиционно «мужских» профессиях, которые освоили женщины. Они работают крановщицами[35], диспетчерами на железной дороге[36], геологами[37], метеорологами[38], водолазами[39], механиками и инженерами автомобильного завода[40], врачами санитарной авиации[41], шоферами самосвалов[42], испытателями танков[43], матросами[44], капитанами кораблей[45], комбайнерами и трактористками[46]. В журнале «Работница» постоянно подчеркивалось, что женщины прекрасно освоили профессии, которые «почему-то считались мужскими»: «женщины не только суп варить умеют — сварим и чугун на славу!»[47].

[33] *Щелканова М.* Рассказ о первой любви // Работница. 1933. № 28. С. 8.
[34] См.: *Леонтьева Т.* Грузчицы // Работница. 1938. № 23. С. 12.
[35] См.: *Волченок З.* Женщины одного цеха // Работница. 1939. № 32. С. 9.
[36] См.: *Мальковец И.* Командир транспорта // Работница. 1940. № 5. С. 12—13.
[37] Геолог // Работница. 1940. № 5. С. 13; *Маркович М.* Мать и дочь // Работница. 1941. № 3. С. 7.
[38] См.: *Шейдлин А.* На зимовке // Работница. 1941. № 6. С. 14—15.
[39] Девушка-водолаз // Работница. 1940. № 4. С. 13; *Сатулла Е.* Девушка-водолаз // Работница. 1941. № 6. С. 9.
[40] Большой женский автопробег // Работница. 1936. № 31. С. 5—6; 45 отважных женщин // Работница. 1936. № 31. С. 7—8.
[41] См.: *Гаврилов К.* Сказка стала былью // Работница. 1940. №6. С. 14.
[42] См.: *Ляпидевский А.В.* Смелей за руль автомобиля // Работница. 1940. № 17—18. С. 12; *Алимова Н.* Хорошая профессия // Работница. 1940. № 17—18. С. 12.
[43] Инженер-танкист // Работница. 1941. № 6. С. 15.
[44] Работница. 1937. № 27. С. 13.
[45] На море // Работница. 1937. № 13. С. 12—13; *Шмелёв С.* На капитанском мостике // Работница. 1939. № 6. С. 14—15.
[46] См.: *Терновых А.* Комбайнер Новикова // Работница. 1935. № 25. С. 10.
[47] См.: *Волченок З.* Женщины одного цеха // Работница. 1939. № 32. С. 9.

8. Формирование образа социалистического труда

Нужно подчеркнуть, что на разнообразных примерах в женских журналах формируется целостный образ социалистического труда. Он противопоставляется труду в дореволюционное время (это непременный смысловой акцент любого индустриального очерка), а также подчеркивается, что именно участие в трудовом процессе делает женщину свободной и равной мужчине.

В очерке о проходчице метро Дусе Ермаковой[48] журналистка повторяет наиболее важные смысловые составляющие образа нового социалистического труда:

• «Дуся *счастлива*», потому что «радость и счастье» приносит ей участие в социалистическом труде, этому счастью «не суждены разочарования»[49]. Труд позиционируется как творчество и источник счастья женщины.

• «Социалистический труд развил ее физические и духовные силы, *воспитал* волю»[50]. Труд — воспитатель.

• Дуся всегда останется «верна своей *первой любви, любви к социалистическому труду, ибо эта любовь дала ей настоящее равенство*»[51]. Очерк о «первой любви» показывает иерархию ценностей советской женщины: труд стоит на первом месте. Дуся даже не понимает вопроса журналистки о личной жизни и отвечает, что хочет учиться, но пока некогда — надо повысить свою производственную квалификацию.

Примером типичного производственного очерка, в котором представлены все перечисленные выше аспекты, можно считать материал «В мартеновском цехе»[52].

Александра Савченко, инженер-технолог по образованию, была назначена мастером в доменный цех. Несмотря на то что год публикации 1941, в этом очерке, как и в других в довоенный период, героине приходилось преодолевать массу трудностей, доказывать свою способность работать наравне с мужчинами. Автор отмечает, что «рабочие встретили ее с любопытством. В мартеновском цехе еще ни одна женщина не руководила работами мужских бригад». Один из рабочих отказался выполнить ее распоряжение: «в нем еще жило старое, косное чувство мужского превосходства», — отмечает автор очерка. Александра Савченко отстранила нарушителя дисциплины от работы, и по цеху прошел слух, что она «понимает свое дело» и «рука у нее крепкая».

[48] См.: *Щелканова М.* Рассказ о первой любви // Работница. 1933. № 28. С. 8—9.
[49] Там же. С. 9.
[50] Там же.
[51] Там же.
[52] См.: *Валина Е.* В мартеновском цехе // Работница. 1941. № 3. С. 5—7.

В этом очерке на редкость подробно и обстоятельно рассказано о возникавших на производстве проблемах: рабочие должны были подчиняться молодой (двадцати трех лет!) девушке, получившей специальное образование, прошедшей определенный профессиональный путь и работающей в такой сфере, которая считалась сложной и для мужчин, — на сталеплавильном комбинате. Автор очерка в каждом эпизоде перечисляет, какие качества проявила героиня, чтобы преодолеть трудности: волю, закалку, осознание своей ответственности, смелость, строгость и требовательность (даже придирчивость) и т.д. «Но даже в смехе ее, молодом и звонком, слышались нотки сильного человека, сознающего свою волю к преодолению трудностей, какие бы ни встретились на пути»[53], — пишет журналистка, подчеркивая волевые качества героини. Работа девушки складывалась непросто, были и ошибки, но опыт давал ей «спокойно и уверенно» себя чувствовать на разных постах.

Традиционно журналистка многократно подчеркивает женственность и эмоциональность героини: «стройная, хрупкая», она «взволнованная и счастливая» шла на завод, «в улыбке, в румянце щек» радость от работы, работает «горячо, с увлечением», «хозяйскими глазами» оглядывает цех и т.д. Сын героини в школе рассказывает, как он гордится своей смелой мамой, при этом говорит: «она такая маленькая, хорошенькая»[54]. Конечно, героиня повышает свою и рабочих квалификацию, занимается общественной работой, хорошо воспитывает сына — она должна быть идеальна во всем!

Поэтизация индустриального труда, производства и роли человека в нем присутствует и в этом очерке: героиня «представляла себя организующей частицей всего этого огромного грохочущего мира из огня и металла», противопоставляется хрупкость девушки и многотонное оборудование «гигантских» цехов. Процесс варки стали описан так: «с гудением из-под завалочных окон печей вырывалось слепящее глаза пламя... а она слышала только отзвуки этой величественной, грозной и ласкающей ее слух гаммы труда»[55].

В описании завода мы находим приемы «очеловечивания»: «диспетчерская — это уши и голос », а доменный цех назван «сердцем» завода, «где клокотала в мартеновских печах жидкая сталь»[56].

Нужно отметить, что эта публикация начала 1941 года в какой-то степени итоговая. Советские женщины прошли длинный путь, получили образование, политикой страны и воспитанием нацелены на овладение мужскими профессиями, на профессиональный

[53] Там же. С. 5.
[54] Там же.
[55] *Валина Е.* В мартеновском цехе // Работница. 1941. № 3. С. 6.
[56] Там же.

рост. Значительный вклад в этот процесс внесли и журналы для женщин.

На полосе, где напечатан этот очерк, сделана врезка, в ней — заметка о том, как работают женщины на заводе имени Ильича в Сартане. «Женщины, раньше только чернорабочие и подсобницы, играют теперь в общем производственном процессе большую роль, ... работают в прокатном цехе (раньше в нем женский труд не применялся) метельщицами, операторам, бригадирами отделки...». Начальник цеха тов. Шарый говорит: «Женщина внесла в производство много культуры. Она внимательнее, чем многие мужчины, следит за чистотой своего рабочего места и всего цеха». Приводятся примеры, как ударно работают женщины, выполняя план на 140 —170 процентов, как выросли их заработки (до 500—600 руб. в месяц). Бригадир Минина награждена медалью «За трудовую доблесть» и закончила, работая на заводе, школу пилотов, стала парашютисткой, закончила школу снайперов! «Я готова к труду и обороне!» — с гордостью говорит она[57]. Это характерный пример публикации накануне Великой Отечественной войны, когда женщины заменили мужчин на производстве. Об этой задаче постоянно пишет «Работница» в предвоенные годы.

Заключение

Публикации журнала «Работница» в 1930-е гг. формировали у женщин позитивное отношение к производственной деятельности, подсказывали «сценарии» ее реализации, поддерживали в преодолении трудностей на этом пути, показывали преимущества. Пропагандистское воздействие и организационная работа государства производились синхронно.

Опыт социальных реформ, которые проводила советская власть с помощью активной пропаганды и мер экономического и иного стимулирования, уникален. Реформы (в том числе и эмансипация женщин) совершились быстро, на протяжении жизни одного поколения.

Было бы неправильно сводить все социальные изменения в СССР только к результатам пропагандистского воздействия, манипуляции или принуждению со стороны власти. Тысячи и тысячи женщин с таким энтузиазмом штурмовали мужские профессии потому, что это была возможность заявить о себе миру, реализовать свои способности, прожить интересную и социально полноценную, хотя и очень нелегкую, жизнь. Печать сыграла в этом процессе роль катализатора, активно и изобретательно влияя на умы и сердца женской аудитории.

[57] На заводе имени Ильича // Работница. 1941. № 3. С. 5.

Список литературы

Алфёрова И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма (первое десятилетие советской власти. 1917—1927 гг.): Дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2011.

Голдман В.З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917—1937 гг.) / Пер. с англ. В.Ю. Лобовской. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.

Поступила в редакцию
25.11.2013